

Тамара Злобина

Две повести

Тамара Злобина

Две дороги — две
судьбы

Тамара Злобина

Две повести. Две дороги – две судьбы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38270964
ISBN 9785449348630*

Аннотация

Две повести1) «Хрустальный пьедестал»Виталий Боков обожает блондинок, но ему почему-то с ними не везёт. Эти девушки раз за разом разбивают ему сердце. И вот, наконец, он встречает девушку своей мечты. Чем всё это закончится? Главное – любить!2) «Современная сказка»Дочь атамана куреня влюбилась в иностранца – итальянца Виттора, который на самом деле оказался таджиком. Что из этого получилось – стоит прочесть до конца.

Содержание

1. «Хрустальный пьедестал»	5
Глава 1. Немного о себе	5
Глава 2. Новая сотрудница	15
Глава 3. Дама из Амстердама	24
Глава 4. Настенька Волошина	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Две повести
Две дороги – две судьбы

Тамара Злобина

© Тамара Злобина, 2018

ISBN 978-5-4493-4863-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. «Хрустальный пьедестал»

Мини-повесть о дружбе, предательстве и любви

Глава 1. Немного о себе

Приветствую всяк входящего! И, чтобы не было никаких лишних вопросов, хочу сразу представиться: зовут меня Виталием Быковым, мне 35 лет. Не был, не состоял, не участвовал, не привлекался... Ну, и так далее – по списку.

Работаю на большом предприятии менеджером, работой доволен. Правда зарплатой – не очень. Но кто в наши дни ею доволен? Разве, что наш шеф, да и то не всегда. Думаю, если бы у него всё было в шоколаде, как он козыряет при каждом удобном (и не очень удобном) случае, то вряд ли бы напивался до поросычьего визга. Поросячьим визгом сотрудники называют его «песнопения», когда он берёт слишком много на грудь: и спиртного, и музыки, и девочек. После начала такого «концерта» сослуживцы начинают в срочном порядке «рассасываться» в неизвестных направлениях. Остаются самые «преданные» или самые подхалимистые.

Впрочем, что это я о Дмитриии Борисовиче вам лапшу вешаю – рассказ в общем-то не о нём. У него личная жизнь устроена давно, в том числе за наш счёт: мы на него пашем, а он не теряя времени, охмуряет наших девочек – «снимает сливки».

Что остаётся бедным подчинённым? Обезжиренный кефир... Хотя нам на работе – ни-ни: живо вылетишь с «вольным билетом», как любит принародно обещать шеф.

А девочки у нас работают, как на подбор – цветник! Начальник Отдела кадров – Роман Георгиевич, (по настоятельной просьбе шефа) подбирает специально таких, чтобы глаз радовался, а сердце источало нектар. Это его слова – Редкого Романа. Мы его «Ромашкой» меж собой называем, потому как в цветнике им подобранном, он выглядит... мягко говоря, простенько.

Хотя, конечно, староват он для этого цветника. Пять лет Ромашке до пенсии всего осталось, а туда же: любит крепеньких и блондинистых.

Даже зло порой берёт, потому, что и сам ничего не мог поделать с патологическим пристрастием к блондинкам. Может потому, что сам «чёрен, как жук»? Это определение моего друга – Мишки Дулова. Ну, это на фоне его белобрывости, возможно, и так, а без него я просто обычный шатен.

Михаил не любит, когда его называют белобрывым, сра-

зу отвечает репликой из старого фильма «Свадьба с приданным»:

– Не белобрысый – блондин! Я у мамочки один».

Однако, насчёт блондинок, он весьма категоричен:

– Блондинка, конечно, хороша, когда на неё смотришь со стороны, но как только откроет рот, весь шарм тут же испаряется – весь, без остатка.

Он почему-то уверен, что найти среди блондинок умную так же сложно, как иголку в стоге сена. Когда же этот его «постулат» не выполняется, он сразу находит ответ:

– Так она же – крашенная блондинка, не натуральная...

Эта любовь к светловолосым красоткам и подвела меня под монастырь: Мишка уже второй раз женился, а я всё «холостячу».

Получается почти, как в анекдоте:

– «Как же я люблю блондинок!

– А они тебя?

– Я – их»...

А всё началось, когда я встретил Катюшу Светлову. Ах, какая была девушка! Студентка, спортсменка... и просто красавица. Ну, да, вы правильно догадались: дело было ещё во время учёбы в институте. И блондинка она была – натуральная! Глазищи голубые, как цветущий лён, волосы шел-

ковистые, по плечам, сама, как лань длинноногая... И такая же пугливая.

Все наши парни сразу кинулись её покорять. Кто цветочки тайком таскает, кто в кино приглашает, кто мороженым угощает... Ну, в общем, кто на что горазд.

Мой блондинистый друг Мишка, ей всё стихи Серёжки Есенина читал: он тогда здорово под него «косил». Некоторые девчонки находили, что он чем-то похож на Есенина. Он и представлялся иногда, тряхнув чубом, Александровичем, так как отчества у них с Сергеем одинаковые. По моему разумению – только в этом они и имеют сходство.

Решил и я как-то блеснуть выдумкой и интеллектом и пригласил «Светлую» в зоопарк. Там я был – на высоте, ведь о зверюшках знаю и помню ещё со школы, очень занимал меня тогда этот пласт биологии.

Уж, как я старался, каким красноречием блистал! И Катюша делала вид, что ей очень интересно, даже какие-то милые вопросы задавала, хлопая своими длинными и густыми ресницами на пол-лица. И я, как последний дурак, лез из кожи, окрылённый успехом.

А после этого «свидания» на курсе поползли слухи, что я заморочил голову бедной Катеньке, какими-то неопрятными животными, от которых её чуть не стошнило. И всё –

моя «любовь» к этой женщине испарилась сразу и навсегда. Жаль, что не ко всем блондинкам сразу. Я ещё не потерял надежды встретить свою «светловолосую принцессу».

– Тебе это надо? – сочувственно поинтересовался в тот день дружок Мишка. – У Светлой мозг, как у бабочки – с булавочную головку... Я бы на твоём месте лучше на Валюшку Кругову обратил внимание... Милая, неглупая, добрая девчонка – открытая и доверчивая. И по тебе, любителю блондинок, сохнет с самого первого курса.

– Сердцу не прикажешь, – вздохнул я упрямо, и снова отправился на поиски своей «блондинистой принцессы». Так и ищу до сих пор.

А Мишка, недолго думая, закрутил любовь с Валюшкой, и на четвёртом курсе они поженились.

Свадьба была небогатая, но весёлая и с мордобоем. Мишка, хлебнув лишку, предъявил претензии мне, своему другу, что его Валюшка даже сейчас смотрит на меня «жадным взглядом».

– Так это же она на меня смотрит – не я, – попытался оправдаться я перед другом, но Мишка пёр буром, и в пылу «предъявы», задел кого-то из гостей. Получил в результате по-полной. Я, конечно, не мог оставить друга в беде, кинулся ему на выручку, и тоже огрёб нехило.

Так, что свадьба эта запомнилась на три года – больше

Валюшка не выдержала. После трёх лет «счастливой семейной жизни» с Михаилом она подхватила под мышку двухлетнюю дочь Веронику и, наговорив «бывшему супругу» кучу любезностей», уехала в свой родной Питер, и до сих пор живёт там припеваючи.

– Ну и скатертью дорожка! – сказал тогда в сердцах Мишка и уговаривать жену, вернуться к семейному очагу, не поехал, хотя Валентина, видимо, ждала этого шага, потому как на развод подала только спустя полгода.

Почти одновременно у нас с другом появились новые девушки: у меня Натали Ветрова, у Мишки – Иришка Яровая. Обе, что называется, красотки, обе претендентки на роль принцесс. Натали, естественно, блондинка, а Ирина – огненно рыжая: в последнее время друга явно потянуло на экзотику. Одно время он меня знакомил с девушкой-готом. Та была совершенно чёрная от макушки до пяток. Я как-то сказал другу, что, если такую встретишь в ночное время испугаешься до полусмерти. Он попытался обидеться на меня за эти слова – снова начал размахивать руками. Хорошо рядом никого не было, так что обошлось без мордобоя.

Впрочем, увлечение это длилось недолго: после того, как «чёрная дама» пригласила его на свидание на кладбище, Мишка быстро слинял от неё... Теперь вот где-то «огневушку-поскакушку» нашёл. Так я назвал её сразу же после пер-

вого знакомства: она мне напомнила огненный костёр, который всё пляшет и поёт, не забывая при этом обжигать.

Ветрова Натали – хороша была всем: высокая (даже чуть выше меня), стройная, с милыми ямочками на щеках и обворожительной улыбкой. Казалось – была в меня влюблена, как кошка. Только казалось... Едва на горизонте замаячил «богатенький Буратино», она мне сразу сделала ручкой. Вот тогда я окончательно «рассвирепел», и готов был этого Буратино переехать на «лисапед» – так Натали «ласково» называла мой мотоцикл. Но, хорошо подумав, решил – пусть живёт. Дело-то вовсе не в нём – дело в блондинке... К тому же «лисапедом» вряд ли «джип» переедешь – тут БТР нужен.

Ещё в глубокой юности в небольшой книжонке, автора которой уж и не припомню, я прчёл стихотворение, которое просто впечаталось в мозг:

«Наш род мужской с веками не мудрее стал,
И всех наук, осилив верхотуру,
В душе возводим мы хрустальный пьедестал,
И на него – сажаем дуру».

Тогда я просто был возмущён до предела таким цинизмом:

– Как можно вот так?! Со слабым, нежным полом...

Только спустя время понял, что слабый пол – это не они,

а мы. Потому, что не можем противостоять их чарам, а они из нас выют верёвки, как... Как... Из своей шерстяной пряжи! А, когда, наконец, совьют всё, что их душеньке хотелось, просто выбрасывают за порог, или убегают сами, как Валюшка от моего друга.

Вот тогда я Мишке сказал клятвенно:

– Ну, всё, друже, с сегодняшнего дня больше ни на одну блондинку даже не посмотрю!

Михаил покосился на меня как-то странно, и в его взгляде я уловил такое искреннее недоверие, что сразу полез в бутылку:

– Хочешь поспорим?!

Обычно друг быстро заводится, но тут устоял, только сказал примирительно:

– Зачем спорить? Я итак тебе верю.

– По твоим глазам не скажешь, – засомневался я.

Мишка лишь слегка вспыхнул:

– Ты, что... этот... Как его?... Драматург... Да не важно! Который всё кричал: -«Не верю! Не верю!»

Я только улыбнулся в ответ: Михаил всегда был забывчив: ляпнет что-то, наобещает с три короба, а, когда его прижмёшь потом к стенке, он со слезой в глазу:

– Не помню, друг! Ну, надо же – не помню... Видно, что-то с памятью моей стало...

Остаётся только добавить:

– То, что было не со мной – помню...

Так, о чём это я? Ах, да: о стихах. Так вот теперь я с «безвестным автором» готов согласиться: сажаем абы кого, а потом рвём волосья на голове в полном «экстазе», хотя и без того с каждым годом их всё меньше и меньше становится. Мишка вон даже бородку отпустил, а ля Чехов, чтобы компенсировать явный недостаток шевелюры. Теперь он выглядит так, словно голову перевернули вниз макушкой... Смешно, ей-ей! Только при нём прошу не хихикать, а то снова начнёт руками размахивать, как обычно делает в сильном душевном волнении.

– И почему у тебя, Виталька, – интересуется он у меня, – шевелюра только разрастается, как куст дикого шиповника – сразу и во все стороны? Ты каждый месяц её прорежаешь, а я вынужден мазать всякой гадостью, чтобы голова не стала блестящей, как коленка?

– Ну, это... – банально ему в ответ, – умные волосы покидают дурную голову.

И пока он не понял смысла и не накостылял по шее сразу же поправляюсь:

– Ой, ошибся ненароком: это дурные волосы покидают твою умную во всех отношениях голову!

После Натальи у меня, конечно, были женщины, но они все прошли, не задевая моего сердца, да и сами, как я понял, страдали по моему поводу не особенно, поэтому и расставались мы легко и весело.

– Ну, ты это, звони, если что?

– Позвоню... Если что!

Никто и никому понятно не звонил, как видно до «если что» дело не доходило.

А Мишка-дружок женился всё-таки на своей рыженькой «поскакушке» – взяла девка его в ежовые рукавицы. Я и шафером был у них на свадьбе. На сей раз было всё чинно-благородно: никто не напился до поросычьего визга, Иришка на меня не смотрела «жадными глазами», а потому и до драки дело не дошло.

Живут молодые – душа в душу: Миха не нарадуется.

– Знаешь, какая Иришка хозяйка! – при каждом удобном случае козыряет друг. – А готовит! Пальчики проглотишь...

И всё норовит меня познакомить с какой-нибудь подругой жены. А их у неё много: целых четыре. Вот только – ни одной блондинки среди них нет... К сожалению. Хотя, что это я? Я же другу поклялся, что больше ни на одну из них – даже не взгляну.

Глава 2. Новая сотрудница

Через два месяца после свадьбы моего друга Михаила Дулова, в наш в отдел приняли новую сотрудницу – Машу Рыбакову. Спросите причём тут Дулов? Да ни при чём! По крайней мере так я думал поначалу.

Многие наши сотрудники были удивлены: девушка не попадала ни под критерии шефа, ни под критерии Ромашки. Да, Маша была светловолоса, но назвать её блондинкой не поднимался язык. Скорее уж светло-русая головка венчала пропорционально сложенную фигурку, которую тощей назвать опять-таки не поднимался язык, но и полненькой – тоже. Девушка была, что говориться тютелька-в тютельку: ни на грамм больше, но и ни на грамм меньше.

Поражал контраст: светлые волосы и почти чёрные глаза. Точнее тёмно-карие в небольшую светлую крапинку. Медовые вкрапления, делали эти глаза похожие на бездонное небо с вкраплениями-звёздами.

Вот чёрт! Так и до стихов не далеко, хотя, как сказал однажды Мишка мне медведь наступил на то место, что «переводит обычные мысли – в поэтические»...

Словом, такое сочетание встречается, наверное, одно на миллион. Это тоже сказал он – мой друг, и я подумал

тогда, что он не равнодушен к этой девушке. Впрочем, это произошло гораздо позже. Что-то я побежал впереди паровоза...

В то время, когда Ромашка с елейной улыбкой представлял Машу в отделе, меня где-то носило: не то по клиентам, не-то по территории, и мне не удалось лицезреть её появление в нашем отделе.

– Прошу любить и жаловать! – сказал тогда Ромашка, представляя новую сотрудницу (в Мишкином переводе). – Мария Константиновна Рыбакова. Образование высшее. Интеллект... достаточный... Воспитание – достойное. Ко всему прочему: мила... тонка... обаятельна.

Кто-то деликатно вякнул:

– А как девушка в общении?

Ромашка зло посмотрел на «говоруна» и отрезал:

– Скоро узнаешь! Когда вот так же вякнешь.

И почему-то потёр левую щёку.

На своём рабочем месте я появился только после обеда. Ещё в коридоре, не доходя до отдела, услышал весёлые голоса и взрывы смеха. Остановился возле дверей, покашлял, чтобы приструнить весельчаков, а потом неспешно стал открывать двери, как это обычно делает шеф. И услышал, как все сразу закопошились, зашелестели листами, слышались «умные реплики»

– Ну, ка признавайтесь, прохиндеи, кто взял папку «Угор-сервиса»... По добру пока прошу! Не выдадите по хорошему – выволочки не избежите. – это, конечно, грозный голос моего дружка Михаила.

– Да кому нужен твой «сервис»? – отвечивал тонкий голос Витька Малкина – это он всегда все папки на свой стол собирает для солидности. – Угорел давно твой «Угор»!

– Лучше по хорошему отдавай, юморист, пока я до твоего стола не дошёл! – не сбавляя напора, продолжил Михаил.

Задвигался стул, и я представил физиономию Витька, когда он узрел, как поднимается Мишка и засучивает рукава. Но расправы допустить было нельзя, поэтому резко открыл двери и ввалился в отдел. Вид был у меня, видимо, ещё тот, потому что все чуть в один голос не ахнули, а я рывкнул строго:

– Сидеть!

Наверное, я бы ещё что-то рывкал, но тут мой взор упал на незнакомую девушку, глаза которой смотрели на меня с любопытным испугом. И всё.

– «Мое сердце остановилось, – как поётся в одной песне, – Моё сердце замерло... Отдышалось немного и снова пошло».

Но, как-то странно пошло, забившись сразу во многих местах одновременно: в голове, в груди, в горле и даже где-то

в солнечном сплетении... а, может быть, и в печени.

И я понял сразу: -«Всё пропал! Вот кого я хочу посадить на тот самый хрустальный пьедестал своей души – одну её... На всю оставшуюся жизнь». И даже вопроса не возникло: а хочет ли этого она?

Откуда-то издалека возник издевательски-плаксивый голос Витька:

– Виталий Максимович, а что Мишка Дулов опять кулаками размахивает?! Вы бы его приструнили... что ли?

Я только кинул на жалобщика взгляд, как он сразу принял «рабочую стойку», уткнувшись в свой комп.

Взглянул и неожиданно подумал:

– «Странное дело: именно посредственность зачастую достигает всего. И не потому, что знает много, а потому что знает где и перед кем прогнуться, где и как во время сказать нужные слова, а главное – во время промолчать... Уж в этом Витёк преуспевает всегда».

Пришлось выманывать друга на серьёзный разговор. Михаил сделал сотрудникам ручкой и уверенной походкой вышел за мной следом из кабинета.

– Ну, что друже, колись! – наехал я на него сразу же за дверь.

– О чём это ты? – скорчил он непонимающую физионо-

мию. – Всё в пределах нормы...

– Что это за... девушка у окна? Проверяющая из Главка?

– Да нет, – успокоил меня Михаил. – Просто девушка. Наша новая сотрудница... Пока ты где-то прохладился, её привёл Ромашка... В общем, она теперь будет работать у нас вместо Татьяны Бондаревой, что неделю назад ушла в декретный отпуск.

– Ах, вот оно как, – облегчённо выдохнул я. – Не знаешь, кто такая?

– Образованная, интеллектуалка, спортсменка и просто... красавица! – поцеловав кончики пальцев, начал кривляться друг.

– Хватит придуриваться! – оборвал я. – Говори по делу.

– Зовут Мария Константиновна. Фамилия – Рыбакова. Вот и всё, что известно. Об остальном, как напутствовал Ромашка, вскорости узнаем сами, – ответил Мишка уже без клоунования.

Я подвинулся ближе к другу и попросил:

– Мих, не в службу, а в дружбу, узнай о ней побольше... Пожалуйста.

– А самому, что не в кайф? – удивился друг.

– Не в том дело, – чуть скривился я. – Не хочу пока высываться.

– Что, – засветился глазами Мишка, – девочка зацепила?!

Округлил в ответ глаза, изображая полное непонимание:
– Ты сейчас это о чём, друже?! Тут дело гораздо тоньше...

И предвидя дальнейшие вопросы, продолжил:

– Но пока ничего сказать не могу. Предположения и догадки – не доказательства.

В ответ Мишка только моргнул своими пшеничными ресницами..

* * *

Никогда и ничего не ожидаю от жизни и не прошу. Как говорит один известный комик, «пусть сюрприз будет». И по моему она уже преподнесла мне сюрприз. Пока не знаю: хороший или не очень.

Едва я повернул к двери, как Мишка прямо перед моим носом прошмыгнул в отдел, с видом весьма загадочным и нетерпеливым, сказав, неожиданно:

– Пардоньте!

На его лукавой мордочке явно просматривалось намерение ни в коем разе не пропустить дальнейшее развития событий. Эдакая бестия!

– Так-так, – сказал я, останавливаясь напротив стола новенькой, – у нас новая сотрудница, а я ни ухом – ни рылом...

Девушка подняла глаза, и моё сердце снова забилося где-то в горле – даже голос перехватило от неожиданности.

– Меня зовут Виталием Максимовичем... Я тут старшенький...

И, поняв, что несую ахинею, поправился:

– Старший. Так что, если что-то нужно, или непонятно – обращайтесь без стеснения.

Девушка светло улыбнулась в ответ:

– Очень приятно. Мария Рыбакова... Теперь буду знать к кому обращаться.

И опустила глаза на рабочий стол, а мне не осталось ничего, как отправиться к своему рабочему месту.

За моей спиной вновь хмыкнул Витёк (что за дурацкая привычка?!), а Михаил вновь показал ему кулак, предотвращая фонтан его «иронии и юмора». Это я понял даже не глядя, по тому, как после хмыканья Малкина, задвигался стул Михаила, а затем прыснули наши девушки Оля и Леночка.

Сделал вид, что ничего не слышал и не понял.

Когда сел на своё место, все уже пахали, как папа Карло.

Украдкой бросил взгляд на новенькую сотрудницу, невольно подумав:

– «Молоденькая совсем – ещё девчонка... Вон, как мило краснеет... Сколько ей? Лет двадцать? Да нет, наверное больше: без диплома её бы к нам не приняли... Значит 21—22 года – не больше».

Неожиданно мои мысли пошли куда-то не в ту степь:

– «Слишком разница большая. Я на такое не посягал никогда... Хотя... У Михаила с Иришкой разница в 11 лет, и ничего... Всё вроде нормально».

Нахмурился, пытаюсь согнать со своего лица предательскую слабость и попытался с головой уйти в работу, но мысли-скакуны опять завели меня не туда.

– «Ха! Нашёл на кого равняться? Да Мишаня, как минимум, лет на десять выглядит моложе своего возраста: то ли весёлый нрав „виноват“ в этом, то ли наследственность учудила... А я со своей, слишком серьёзной физиономией, лет на сорок тяну – не меньше»

Ничего о своих мыслях и сомнениях другу рассказывать не стал: побоялся, что поднимет на смех. Сам же всю неделю украдкой, исподтишка наблюдал за новенькой, подмечая её маленькие «чёрточки», маленькие «слабости». И эта девочка всё больше и больше занимала мои мысли. Это и обескураживало, и одновременно злило меня.

– «Ну, не мой же тип! – пытался охладить свой „разгореченный“ ум. – И потом, не зря кто-то пустил в народ „мысль“, что девочка из „блатных“, что её приняли только благодаря рекомендации „папика“ – вот потому она такая спокойная и уверенная в себе, в своих силах и возможностях».

Если честно, мне такой вброс совсем не понравился. До-

гадываюсь даже, чьего языка это дело. Да и друг мой Миха через два дня пообещал «юмористу» оторвать язык, если он ещё что-нибудь похожее нафантазирует. Мне бы удивится: с чего Мишаня так завёлся, а я опять мимо ушей всё – скорым составом.

Ну, не похоже, чтобы эту девочку кто-то «крышевал» – не похоже! Взгляд открытый, честный, полный достоинства и уважения. Ни тебе заискивания, ни раболепия, ни показушности.

– Да, девочка не простая! – решил я сразу. – Такое на фантики не возмёшь

И начинал жалеть, что она – не блондинка!

Глава 3. Дама из Амстердама

Вот, что значит, когда глаза в глаза...

Сижу и злюсь мысленно:

– «Они, что её специально посадили напротив меня?!

Чтобы изо дня в день лицо, это с мягкой улыбкойЮ мелькало у меня перед глазами туда-сюда?!»

Понимаю, что злюсь напрасно, что посадили девушку не специально, а на свободное место. И потом, куда бы её не посадили, она всё равно была бы в поле моего зрения.

Почему злюсь, спросите? Потому, что не обращает девушка на меня никакого внимания, словно и не главный я здесь вовсе, словно и нет меня... А ведь обещала, если будет что непонятно – непременно, обратится. Значит всё понятно? И нет никаких вопросов? Интеллектуалка, блин! Леночка с Олей первый месяц просто закидывали вопросами, на которые я еле успевал отвечать. Потом обеих перепоручил Михаилу, чтобы не доставали.

А эта просто кремень какой-то. Пыхтит и тащит. Специально поручаю ей самые трудные, не пробивные договора. Терпит, ведёт. Только улыбается в ответ.

Дружок Мишка не выдержал первым. Посмотрел на меня с видом человека вконец разочарованного и ляпнул ни мно-

го – ни мало:

– Ты, что это, Виталий Максимыч, совсем опупел? Разве можно так с девушкой? Она, что тебе – лошадь? Даже лошадь от таких нагрузок уже, наверное, отбросила бы копыта.

Я только усмехнулся ему в ответ:

– Молчит – значит нагрузка нормальная... Вот вы с Малкиным, едва на вас что-то лишнее упадёт, сразу кипиш поднимаете, хоть всех святых выноси... Да и девочки лишнего не возьмут... Уметь нужно за себя постоять. А, если не умеешь, то хотя бы учиться!

– Значится ты так, считаешь?! – взвился Михаил.

И добавил уже совсем иным тоном, как-то отстранённо:

– Не ожидал я от тебя такой подлянки...

Словно это я лично ему сделал, что-то совсем уж непотребное.

И снова я не принял это всерьёз, не задумался: а с чего это друже так за постороннюю девчонку «нервы дерёт»?

В последнее время мы с ним как-то стали отдаляться: куда не позову – всё мимо. То они с Иришкой в театр намылились, то куда-то в гости к её друзьям-подругам, то в парк – дышать свежим воздухом. Получается так: попал друг под юбку – дружбе, считай, конец. И ведь ни разу не догадался с собой позвать... Я бы тоже, например, в гости к друзьям-подругам с превеликим удовольствием.

А раньше мы с ним и на футбол вместе, и пивка когда попить, и шары в боулинг погонять. Пару лет назад даже по реке на байдарках пытались. Далеко не уплыли, конечно, но веселья было – через край.

Вот и думаю иногда с лёгкой завистью:

– «То ли самому жениться нужно, чтобы семьями дружить, то ли Мишаню разводить с Иришкой»...

Почти год живут они, а темперамент у «девушки» каким был огненным – таким и остался. И, что совсем хреново: мне в их жизни места уже нет. А так друга терять не хочется...

Видимо, самому придётся идти навстречу – иначе останусь один, как сыч.

Сначала подумал, что, может быть, Мишка боится, что я его Иришку соблазню, потому и отдаляется. Обиделся сначала на друга – почти смертельно. Можно подумать он меня не знает... Чтобы я да чужую жену? То бишь – жену друга?! Да ни в жизнь!

Потом решил: он знает это, значит дело в чём-то другом. Возможно, Иришке не совсем доверяет? Ну, это напрасно: она не Валентина – никогда ни словом, ни взглядом. Верна, как сфинкс!

* * *

Ё-моё! Не везёт сегодня с самого утра. Прямо на выходе из подъезда нарвался на «даму из Амстердама». Один глаз подкрашен по полной программе, другой подсвечен – тоже по полной, на голове «воронье гнездо» с претензией на оригинальность, грудь почти, как у дамы, бегущей по пляжу с картины Пикассо, и платье полу-вечернее – то бишь некогда бархатное с сильными потёртостями и неровной бахромой но подолу.

– Молодой человек, угостите даму сигареткой?

Вот ведь облом: и к чёрту не пошлётся: дама сама вежливость и обаяние.

Ответил тоже вполне вежливо:

– После моих слов – не курю, видимо, последует фраза: – «Жизнь или кошелёк?»

В ответ – короткий смешок.

– Отвечу, как на исповеди, мадам: ни жизни нет, ни кошелька.

– Почто так? – вполне натурально удивилась «мадам», – бедствуем?

– Увы...

– Может дать на бедность? – продолжила любопытствовать дама, сверкнув подсвеченным глазом.

– А, что – есть? – заговорщически поинтересовался я.

Дама чуть приоткрыла выдавшую виды авоську, заглянула туда и констатировала:

– Кусок колбаски, огурец... Полбулки хлеба... И всё... Ни водки, ни пива... Может сообразим?

– Ну, завтракать уже поздно, – на полном серьёзеотреагировал я, – а обедать ещё рано... В общем так: никуда не уходи – жди к ужину.

– Уже жду, дорогой! – чуть покачнувшись, ответствовала дама, прикладывая руку ко лбу козырьком.

Улепётывал от неё со всех ног, смеясь про себя:

– «Ну, дорогой, дошёл до ручки! Общаешься с дамами «приятными во всех отношениях»?»

Хотя... Ирония какая-то кислая у меня выходила. Жаль всё-таки «даму из Амстердама» – так её называют в нашем дворе с её же подачи.

Некогда, она, действительно, была дамой из «высшего общества», как рассказывают наши дворовые старушки: образованная, неглупая, видная. И в Амстердаме она, действительно, жила одно время: работала секретарём в нашем посольстве.

До сих пор щеголяет в мехах, сильно побитых временем и молью. Ни семьи у неё нет, ни детей – одна живёт в двухкомнатной квартире. Что интересно, никогда и никого к себе не водит: говорит, что общества ей хватает и вне стен дома.

Сколько ей лет, как зовут, уже никто не помнит. Кажет-

ся, что все её знают со времён своего босоногого детства. Мадам, если и не раритет нашего двора, то его несомненная принадлежность, как телеграфный столб или скамейка. Без неё двор потеряет всяческую индивидуальность и шарм.

Одни её «интеллектуальные беседы» чего стоят: так, с первым встречным – за жизнь, за веру, за любовь. За то и страдает, сердечная, время от времени. Вот и сегодня один глаз сильно подсвечен. Не понимаю у кого поднимается рука на это безобидное в общем-то создание?

А на работе – снова переглядки: то я смотрю, то на меня смотрят. И, как всегда, украдкой. Так до обеда и переглядывались. Хотел отправить Машеньку в одну «неподъёмную организацию» сильно нам надоевшую, но вперёд выскочил Мишаня:

– Это же Витюхи кореша! Что вы думаете, Виталий Максимович, такой герой, как наш Малкин, с ними не справится? Что он – слабак что ли?!

Витяша нехотя поддакивал. По физиономии было видно, что он с удовольствием бы свалил сей балласт на девичьи плечи, но апломб помешал.

Так вместо Маши – укатил подале Витя, о чём я вскоре сильно пожалел. Если бы знал, что произойдёт дальше – сам бы в эту «шарашкину контору» отправился вместо Малкина.

Около четырёх часов открылась дверь в наш кабинет и павой вплыла... Кто бы вы думали? Натали Ветрова – собственной персоной. Ещё одна «дама из Амстердама». И года не прошло, а она тут, как тут.

– Здравия, честной компании! – этак развязно, можно сказать с вызовом объявила. А глазки у самой беспокойные и какие-то... словно выгоревшие, потерявшие свой исконный блеск.

Попытался сделать вид, что меня это не касается, но не тут-то было. Дама, с явно приобретённой вальяжностью, уже возле моего стола стояла. Подошла вплотную и руки на шею повесила так, словно имеет на это полное право.

– Виталик, дорогой мой! Как же я по тебе соскучилась!

И сразу целоваться полезла.

Кинул взгляд за стол напротив, а щёчки у Маши уже румянцем вспыхнули.

– «Ну, всё – подумал, – не видать мне больше девушки, как собственных ушей!»

– Но-но! – попытался отстраниться от Ветровой. – Мадам, вы ошиблись адресом! Я не Буратино, а обычный менеджер, в обычной конторе. (Это, между прочем, её слова.)

– Фи, Вит, какой ты сегодня странный!... Ну, обними свою кошечку! Признайся честно: истосковался по мне? Почти год не виделись...

Бросил взгляд на Мишаню, а он взгляд отводит. Ясное дело, всё знал, а мне ничего. Друг ещё называется!

Машенька между тем поднялась и поспешно из кабинета вышла, а у меня душа сразу в пятки колобком покатилась.

Подхватил я Ветрову под руку и чуть не силой вывел из отдела.

Встала у окна, насупилась, смотрит, пытается ногти грызть – есть у неё такая привычка: до сих пор, как видно, не избавилась.

– Ну, и что это за цирк? – поинтересовался. – С чего ты решила, что тебе тут рады?... Зачем явилась, дама из Амстердама?

– Не из Амстердама, – бурчит, – из Дрездена.

– Тем более! – отреагировал с явным раздражением.

Она в слёзы:

– Виталь, прости меня, ради Бога! Дура я, и... Совсем запуталась. Не прогоняй... Мне так плохо сейчас...

И опять попыталась на шею мне повеситься.

Снова отстранил и сказал спокойным, твёрдым голосом, хотя всё внутри клокотало:

– Натали, езжай домой! Там мама, там сестрёнка... Они ждут тебя...

– А ты?! – глаза полные слёз и надежды. – Ты – приедешь?...

– Нет, Натали, я не приеду... Умерла – так умерла.
Развернулся и ушёл.

Жестоко, скажете? А разве можно иначе с тем, кто тебя так подло предал, а потом же у тебя и сочувствия ищет?

Да, подвела она меня своим явлением, как говорится, под монастырь.

Маша появилась в отделе только через полчаса – глазки опущены, губки подрагивают слегка. Подошла к своему столу, быстро собрала вещи в сумку и сказала во всеуслышание:

– Я на сегодня и на завтра отпросилась у Романа Георгиевича. Буду только в понедельник. Всем до свидания и... удачи.

Так и ушла, не поднимая взгляда. Я к Михаилу.

– Ну, что, друг лепший, поговорим?

– Поговорим! – ответил тот с вызовом.

Говорили «в курилке» долго. То я ему претензии, то он мне. То я его за ворот и к стенке, а то – он меня. Много чего выслушал, много чего узнал.

– Да ты же никого, кроме себя не видишь! – горячился Михаил. – Возомнил, что пуп земли?! И друг тебе – уже не друг, и девушки – не слабые создания, а ломовые лошади! По «трупам» шагаешь, Виталий Максимыч?!

Я слегка опешил:

– О чём ты, Михаил? Какой пуп земли, какие трупы? Ты случаем не заболел?

– Это ты заболел, герой! – голос Михаила не просто вызывающий – скорее подбивающий на соответствующие действия, чтобы или я ему дал в рожу, или он мне.

Мне бить друга не хотелось. А он – мог в таком состоянии вполне.

– Так, – сказал я серьёзно, – пошли в кафе напротив. – Нам просто так уже не разойтись.

В кафе взяли по пиву, сели за стол – глаза в глаза, буравим друг друга.

– А теперь с самого начала, – сказал я, – и поподробнее.

– Машутку я привёл в отдел, – ответил Михаил. – Она подруга Иришки... Девчонка золото... Ты ей понравился... Ещё тогда, давно... на нашей свадьбе... Смотреть противно, как ты её изводишь! За что мстишь, герой? За Наташку? Так ту же сразу было видно: дрянная девка. А ты: блондинка, блондинка!... Дурак! Дело вовсе не в масти, а в душе человеческой... Тридцать пять лет мужику, а он так ничего и не понял... Машутка вчера призналась Ирине, что уйдёт с работы... Не может она больше тебя, идиота, видеть!

– А тут ещё и эта... сегодня присубботилась, – упал духом я. – Ты же знал, что она вернулась домой?... И ничего мне не сказал...

– Можно подумать, ты меня в последнее время слушал?! Отмахивался, как от комара!... Да, знал! И, что заявится сегодня сюда – тоже знал... Решил пусть Маша, наконец, поймёт, кто есть кто!... Да, больно. Да, обидно! Но так она быстрее в тебе разочаруется.

– Ты, что с ума сошёл?! – вскочил я с места. – Я же её люблю! Понимаешь, чёрт лысый – люблю!... Как же теперь? Что ты натворил, гад?!

– Это не я, – Михаил поднялся с места, – это ты сам натворил! Теперь сам и расхлёбывай – полной ложкой... На месте Марии – я бы тебя не простил! Ни-ког-да!

И ушёл.

Глава 4. Настенька Волошина

Я ещё долго сидел в баре. Сколько выпил – не помню. Наконец, знакомый бармен Санёк сказал:

– Всё, Виталь, лавочка закрывается. Я для тебя такси вызвал... Поезжай, друг, домой.

И я поехал. Назвал адрес и поплыл. Возле дома таксист еле растолкал меня.

– Эй, господин хороший! – тряс он меня за плечо, как тряпичную куклу. – Спасть будешь у себя в кровати. Лично мне уже нужно быть дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.